

ИВАН ЗАДОРЖНИЮК

Транспортное кольцо России

Русский Север в концепции Н. Ф. Федорова

Осень 2012 года ознаменовалась дальнейшим углублением стратегии на оптимизацию экономической политики России в восточном направлении. Речь идет в первую очередь о прошедших в этом году саммите АТЭС (7—8 сентября) во Владивостоке и встрече «Азия — Европа» (5—6 ноября) во Вьентьяне. На обоих форумах российские президент и премьер-министр поднимали одну, на наш взгляд, ключевую для будущего страны тему: ее роль в качестве транспортного коридора между двумя континентами. Причем два направления этого коридора — Транссибирская железнодорожная магистраль и Северный морской путь — перечислялись через запятую: важны и та, и другой.

Приводились и конкретные цифры. Так, Д. А. Медведев утверждал, что Транссибирская магистраль способна пропускать до 100 миллионов тонн груза, а потенциал Севморпути — который в два раза короче пути из Иокагамы в Роттердам, чем путь через Суэцкий канал, — будет использоваться ускоряющимися темпами¹. Чему способствуют подписанный

В. В. Путиным 28 июля 2012 года Закон о Северном морском пути, а ранее, 18 сентября 2008 года, им же в ранге премьер-министра утвержденные «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»; в обоих документах развитие Севера России трактуется как один из основных государственных интересов.

Так оно и есть, ибо потенциал Севморпути оценивали в качестве такового интереса еще М. В. Ломоносов, трехсотлетие со дня рождения которого праздновалось в 2011 году, и Н. Ф. Федоров (1829—1903), 110-летие со дня смерти которого будет отмечаться в 2013-м. Последний не менее убедительно описывал потенциал Транссибирской магистрали. Однако еще важнее тот факт, что в его трудах присутствуют косвенные намеки на то, что эти две транспортные артерии связываются в единое, но многофункциональное кольцо, одна из главных задач которого — цивилизационно сблизить Запад и Восток.

Перечитывая под этим углом зрения труды двух величайших отечественных мыслителей, дерзнем уподобить названное кольцо (контуры которого практически полностью вкладываются в Северно-ледовитое

¹ См. «Мост глобализации». — «Российская газета». 06.11.2012.

и Тихоокеанское побережья России, а также в две трети сухопутных ее границ) биологической клетке, призванной пропускать через свою оболочку жизнотворные силы и отторгать силы мертвящие. При этом первые важны для будущего не только России, но и всей современной цивилизации.

Сегодняшнее освоение Севера — в общероссийском и планетарном масштабах — имеет много измерений. В принципе оно непродуктивно и даже невозможно, если не разрешатся вопросы более широкого порядка относительно статуса человека в этом крайне сложном для жизни регионе и его связи с остальной Россией и всем миром. Фигурально говоря, вопрос о том, как здесь жить, предшествует вопросу о том, что осваивать. И тогда окажется, что Север обладает большим потенциалом в плане переустройства жизни на всей планете, и в первую очередь по оси «Восток — Запад». Нет сомнений в следующем: если данное переустройство как предпосылка того, что можно назвать неэгоистической глобализацией, состоится, то ключевую роль в нем сыграет Россия.

Север (а если учитывать Аляску XVIII века — то и приполярная зона в целом) всегда притягивал русского человека и российского гражданина, а также иностранцев, соучаствовавших в его освоении, что отражено и в географических названиях. Это во многом уникальный и социально значимый опыт освоения крайне сложных для жизни акваторий и территорий, явивший собой пример продуктивного содружества представителей самых различных народов. Именами голландца В. Баренца (1550—1597), который умер возле Новой земли, а его команда была спасена русскими поморами, датчанина В. Беринга (1681—1741), офицера русского флота, умершего в ходе второй Камчатской экспедиции,

С. И. Дежнева (1605—1673), С. И. Челюскина (около 1700-го — после 1760 года) названы моря, проливы, земли, крайние географические точки континента в границах Российской Федерации.

М. В. Ломоносов явился первым мыслителем, обосновавшим общезивилизационную значимость Северного морского пути в цикле научных трудов, среди которых главное место занимает «Краткое описание путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763). На следующий год мореплавателем В. Я. Чичагов (1726—1829) предпринял попытку пройти через Северный Ледовитый океан в осуществление проекта Ломоносова, но, встретив тяжелые льды, вернулся в Архангельск; неудачной была и его попытка 1766 года.

В параграфе 115 своей работы Ломоносов пишет: «Когда по щедрому божескому промыслу и по счастью всемилостивейшия самодержцы наша желаемый путь по Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана»². В дальнейших параграфах выгоды от освоения территорий и разработки ресурсов, в том числе и полезных ископаемых, характеризуются подробнее.

В Заключении Ломоносов описывает препятствия к возможному освоению: «...неудачные предприятия произошли: 1) от неясного понятия предприемлемого дела, что не имели не токмо наши, но и англичане и голландцы довольного знания натуры, ниже ясного воображения предлага-

² М. В. Ломоносов. Записки по русской истории. М., 2003. С. 388.

щей дороги; 2) что приутопления были беспорядочны, следовательно, и сами предприятия неудачны и бедственны; 3) особенно же представим о наших прежних предприятиях, что промышленники ходили порознь, одинакие, не думали про многолюдные компании, без которых всякие предприятия слабы»³. Упомянутое произведение, равно как и ряд других работ, фактически создало научно обоснованную базу для освоения Северного морского пути; если бы за ними последовали и соответствующие мероприятия, этот путь был бы проложен куда раньше. Но дальнейшие экспедиции были свернуты более чем на сто лет, хотя западная и восточная части этого пути все же активно осваивались, а на Аляске и в других частях Северной Америки появились постоянные русские поселения.

Фактически завет Ломоносова — прилагать совокупные усилия к столь социально значимому делу с использованием всех ресурсов на основе синергетики — лишь предстоит осуществиться. О том, что это дело общечеловеческого масштаба, требующее нового качества отношений между народами и людьми, почти полтора столетия спустя начал писать другой русский мыслитель — Н. Ф. Федоров, ряд идей которого лишь начинает востребоваться в полной мере в новом тысячелетии. Одна из причин того, что их обсуждение не выходило за рамки узкого круга специалистов, заключается в том, что мыслитель выражал некоторые свои умопостроения (вплоть до идеи воскрешения отцов и связанного с ним освоения околоземных пространств) крайне лапидарно, часто — в скромной форме газетной статьи. Вторая причина — проектный характер мыслей Федорова, когда исходное явление в его анализе не от-

брасывается, а переконструируется под более высокую идею. В-третьих, отечественный мыслитель по-особому сопрягал развитие науки и технологии, с одной стороны, и социальных процессов и моральных начал, с другой.

Эти и ряд других причин невосприимчивости идей Федорова привели к тому, что целые пласты его наследия в полной мере не только не осмыслены, но даже раскрыты на содержательном уровне, несмотря на то, что его труды в основном изданы и обстоятельно прокомментированы С. Г. Семеновой и А. Г. Гачевой⁴. Так, в некоей информационной пропасти между двумя крупнейшими мыслями и делами его жизни — закреплением прошлого (через реконструкцию в храмах и музеях культа и жизни предков как общечеловеческого дела) и преобразованием настоящего как предпосылки надземного будущего (с опорой на науку и проектное мышление эта идея послужила одним из главных источников русского космизма) — нелегко отыскать его многообещающие идеи о современном ему геополитическом статусе Российской империи и средствах его укрепления. Налицо целый пласт оригинальных умопостроений по линиям «Россия — Запад» (Европа и ее «реплика» — Соединенные Штаты Америки), «Россия — Восток» (в основном Китай и Индия), «Россия — Юг» (в первую очередь мусульманский — западнее Памира), наконец, «Россия — Север» (освоенный и подлежащий освоению).

Тема «Восток — Запад» выступает в качестве сквозной и формообразующей для всех идей Федорова, но он лишь намечает продуктивность их встречи на холодном Севере России, что даже сегодня выглядит суперпа-

³ Там же. С. 390.

⁴ См. Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1995—1999 (Дополнения. М, 2000).

радоксом. Вопреки обычным представлениям, радикальным для него предстает как раз Восток, Запад же — терпеливо стабилен, а Россия является преломлением этих двух умонастроений и способов деятельности. Научная и практическая значимость высказанных идей философа, умершего незадолго до предсказанного им конфликта по линии «Россия — Восток» (Русско-японская война 1904—1905 годов), сомнений не вызывает.

Надо отметить, что они в малой степени привлекали внимание даже знавших основные идеи Федорова евразийцев, для которых геополитические умпостроения были ключевыми: ни Н. С. Трубецкой, ни П. П. Сувчинский, ни даже географ П. Н. Савицкий, разрабатывавший проблематику Евразии как срединного материка и особого географического мира со своими геоэкономическими, геополитическими геоэтнографическими и даже геoarхеологическими измерениями, не обратили на них должного внимания, хотя активно осваивали творчество своего старшего современника (их суждения приведены в книге⁵).

Остановимся на тех работах Н. Ф. Федорова, в которых затронуто настоящее и будущее Севера в связи с проблематикой других линий в отношениях России с окружающим ее миром. Сегодня интерес к Арктике и способам ее освоения растет ускоренными темпами, что объясняется рядом причин: в первую очередь — наличием там огромных энергоресурсов (на арктическом шельфе находится до 13 процентов неразведанных запасов нефти и 40 процентов природного газа), а также новыми возможностями Северного морского пути, обусловленными как общим потеплением, так и (в еще большей

степени) расширением технического потенциала судоходства. Все это известно не только специалистам, но и широкому читателю. В формате газетных статей и были написаны несколько трудов Н. Ф. Федорова, где в крайне широком геополитическом контексте и на уровне проектного мышления освещается перспектива развития (российского) Севера.

Первая по времени заметка появилась вскоре после начала строительства Транссибирской магистрали (написана весной 1894 года, извлечена из архива под названием «В защиту дела и знания»⁶). Федоров пишет: «С постройкой Сибирской железной дороги полагается начало не только соединения западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, но и северных и южных окраин, ибо исследуется Карское море, устье Оби и Енисея, а в Алтайских и Саянских горах возникает, кроме Уральских, металлургическая деятельность. Эта великая дорога представляет завершение Русской земли, составляющее лишь начало собирания всей земли». Столь широкую трактовку функций великой дороги — масштабного российского проекта, который можно сравнить в XX веке лишь с освоением космоса, — не давал никто, не повторял ее в полной мере и сам Федоров в более поздних трудах.

Фактически Транссибирскую магистраль можно, по его логике, рассматривать как конечный пункт того сосредоточения России, о котором говорил канцлер А. М. Горчаков, и которое было прервано войнами и революциями в XX веке («Россия не угрожает, она сосредотачивается»). На обоснование необходимости ее постройки ориентировался и другой государственный деятель — выходец

⁵ См. Н. Ф. Федоров. Pro et contra. Т. 1—2. СПб., 2008.

⁶ См. Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 4. С. 145.

из остзейских немцев с голландскими этническими корнями С. Ю. Витте, причем на всех ступенях своей политической карьеры.

«В деле построения всей дороги может объединяться вся деятельность власти. Комитет Сибирской дороги (к коей присоединяются как ее части дороги на Котлас, Архангельск и особенно Мурманск) станет не *Комитетом лишь министров, а Советом государственным*»⁷. В данной части фрагмента нужно в первую очередь отметить акцент на северных «ответвлениях» континентальной железнодорожной магистрали. Особо следует подчеркнуть, что одним из конечных пунктов этих северных ответвлений является Мурманск (до 1917 года называвшийся Романовым-на-Мурмане, планы его основания были разработаны в 1870-е годы, а с 1914 года через него шли грузы от союзников России по Антанте). Внимание к Мурманску (его название шло от анаграммированного «норманны») с этого времени у Федорова постоянно нарастало, хотя документальных свидетельств этого крайне мало.

«Заведование переселениями — это первое, что должно быть присоединено к Комитету Сибирской железной дороги», — заключает Федоров свою заметку, подчеркивая, что по линии и ответвлениям надлежит устраивать храмы и школы, «т. е. полагая просвещение в основу каждого поселения, насаждая промыслы как зимнее занятие»⁸. Мыслитель провидчески писал, что железнодорожным путям, отходящим от главной Транссибирской магистрали, предстоит стать центрами консолидации социальной жизни, где в первую очередь должны быть построены церкви и храмы. Однако по линии, по крайней мере, северных «рукавов» и храмы, и школы

уже существовали, на что Федоров не указывал. Кроме того, у него трудно обнаружить даже упоминания о малочисленных северных народах. Отметим, что в картине мира последних храмом и школой выступает вся окружающая природа.

Наличествующее, по слову Федорова, небратское отношение к этим народам (да и к населяющим Север русским) сегодня почти преступно, поскольку без их уникальных и накапливаемых веками знаний об этом храме освоение (трактующее как бесконтрольное приобретение в частную собственность) может привести (и уже приводит) к экологическим катастрофам. Уникальные знания этих народов о выживании в экстремальных условиях (за которые некоторые местные этносы заплатили почти полным вымиранием) лишь предстоит использовать в полной мере. Важен опыт и представителей русского и других этносов, начиная с поморов — выходцев из древнего Новгорода и заканчивая поселенцами, по своей и не по своей воле проживавших на Севере и в Сибири.

Север предстает в этом плане как некая лаборатория продуктивного творчества всех народов, по-новому выстраивающих свои отношения как к природе, так и между собой — без разновидностей любого эгоизма, побратски. Опыт же малочисленных народов Севера может пригодиться для освоения других экстремальных территорий и даже космоса, поскольку они накопили большой опыт выживания в условиях эмоциональной депривации. Этот опыт лишь предстоит изучить в полной мере с учетом момента регуляции природных процессов, как они описывались Федоровым.

Тексты, о которых пойдет речь далее, вошли в третий том собрания сочинений Н. Ф. Федорова. К изложенным в них идеям мыслитель возвращался вновь и вновь, что свиде-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

тельствует об их значении для всего его творчества. Так, ключевая с точки зрения концептуальности заметка «О полярной столице» прямо соотносится со статьей «О сухопутных и морских обходных движениях как факте и как проекте, т. е. о сухопутной воинской (сельской) повинности и морской (крейсерство) с двояким употреблением оружия». Эта статья является одной из главных в фундаментальном труде «Философия общего дела»⁹. Можно обнаружить и другие соответствия данного и последующих фрагментов с материалами, вошедшими в состав первого и второго томов, впервые изданных соответственно в 1906 и 1913 годах.

Время написания следующей статьи «Распределение задач всемирной регуляции природы» с точностью не установлено, хотя можно отметить одну граничную дату — 1899 год, когда молодой русский император выступил одним из инициаторов проведения Гаагской мирной конференции. Эта страница истории отечественной и мировой дипломатии ныне относится к числу полузабытых. Между тем в свое время событие относилось к числу несомненно важных, и Н. Ф. Федоров откликнулся на него значимым комментарием.

«Что скрывается, что готовится под всеобщим приготовлением к войне? — ставит парадоксальный вопрос Федоров в самом ее начале. — Не изумительно ли будет, если народы, приготовившись к взаимному истреблению, окажутся союзниками в деле всеобщего воскрешения? Не менее и даже более будет изумительно, когда люди, вооруженные тем оружием, которое вместо взаимного истребления может спасти от смерти, употребив это оружие на взаимную гибель,

вызовут грозу, которая истребит оба враждующие войска!»¹⁰ Таким образом, ответ на поставленный вопрос увязывается с геополитической проблематикой — и в глобальном, и в континентальном масштабах. Далее следует рассказ о том, как воинская команда по собственному почину спасла Оренбург от взрыва порохового погреба, прикрыв его во время страшного пожара своими телами. Воины и средства вооружения должны и в дальнейшем активнее подключаться к борьбе против голода, язв и смерти, превращая всеобщее истребление во всеобщее спасение.

Вот как объясняет это общее дело планетарного масштаба сам Федоров: «Человечеству, объединенному в деле мирного применения всеобщей воинской повинности, предстоят вместо войны народов и рас друг с другом следующие военные действия: 1) борьба на два фронта, северный (полярный) и южный (тропический), с обходным движением против последнего, причем это движение будет иметь в тылу у себя стужу южного полюса; 2) борьба на два фланга: восточный (край засух) и западный (край ливней и наводнений); и наконец, 3) атака центра, «кровли мира», пустынного, холодного Памира, как завершение обходных движений уже не против ислама, а против ига тропического зноя»¹¹.

Федоров подчеркивает, что только с Англией может быть заключен союз для данной борьбы — не с каким-либо народом, а с той силой, которая в одних местах убивает жизнь холодом, а в других жаром, причем как с европейскими, так и с американскими англичанами. Одна из причин в том, что они, как и Россия, могут вести борьбу на два фронта: с одной стороны, при-

⁹ См. Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 1. С. 175–193.

¹⁰ Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 3. С. 301.

¹¹ Там же.

ближаясь к полюсу северному (особенно США), а с другой — к экватору (европейские англичане из двух полуостровов Ост-Индии и на истоках и озерах Белого Нила). В союзники могут быть взяты и китайцы как народ, способный переносить экваториальный зной. «Атака центра, кровли мира, Памира, поднимающегося до высших холодных слоев атмосферы, есть атака, надо полагать, центрального для регуляции места, так как холодный Памир (в обширном смысле), лежащий над знойною Индией и Индийским океаном, не отделяющимся от Южного Ледовитого, занимает середину между экватором и полюсом как в одном направлении, так и в другом, будучи расположен между Западным и Восточным океанами. Отсюда, т. е. с Памира, и надо действовать, чтобы спасти и Китай от наводнений, и Европу от засух»¹². То, что можно назвать теорией Памира, — одна из мало разгаданных загадок геополитической мысли Федорова, а ведь упоминания об этой высшей точке (горной плоскости) земного шара постоянно встречаются в его работах.

Какова же роль Севера в этих идеях? На Севере — Россия, естественный примиритель конфликтующих сил на Юге (в то время Италии и Абиссинии, в XX веке — множества более масштабных конфликтов, достаточно вспомнить войну между Индией и Пакистаном), играет куда более активную роль.

«Россия на всей своей длинной северной границе соприкасается с такой полосой или страной, в которой то, что служит к взаимной борьбе, так быстро истребляется, что уже пора подумать о совокупном действии, чтобы вызвать истребленную жизнь. В этой полярной стране, кроме России, сходятся два родственных врага — европейские англичане и американские;

последним Россия уступила свои владения в Америке и тем, будем надеяться, приобрела союзника не против европейских англичан или кого бы то ни было, а союзника в борьбе с полярным холодом: это северный фронт будущего человечества»¹³. Такой экологически конструктивной трактовки знаменитого приобретения Аляски нет ни у кого из политических мыслителей. Надо отметить, что опыт продуктивного сожительства русских поселенцев с алеутами Аляски был в полной мере востребован уже повзрослевшей Америкой после покупки этого штата. По крайней мере четко выраженной и благочестиво оправдываемой линии на их истребление или отеснение в резервации — как это произошло в случае с индейцами в континентальных штатах Америки — там не наблюдалось.

Англия с европейскими народами и на жарком поясе встречает того же полярного врага, достигнув Памира; Россия же не может не устремляться к югу. Их встреча должна положить начало братскому единению народов. Этот сформулированный Федоровым императив геополитики конца XIX века не реализовался и в XX веке — времени ожесточенных конфликтов по всем векторам и параметрам; для его воплощения отведен следующий, XXI век, причем местом такой встречи становится не только Памир, под и через который проходит Великий шелковый путь, но и Север.

Заключительный параграф статьи содержит целую программу воплощения этой идеи как общего дела всех народов, начиная с русских и англичан, с дальнейшим присоединением немцев и французов, а также народов других континентов. «Россия, заменив нынешнюю северную столицу полярною, у незамерзающего Варан-

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 302.

герфиорда, вместе со всем христианско-европейским человечеством открывает новую борьбу на два фронта: с экваториальным, тропическим жаром с одной стороны и с полярным холодом — с другой. Для России прежние два фронта, кочевая Азия и городская Европа, заменяются борьбою с набегами степных, сухих ветров Азии и влажных ветров Европы. Россия, носящая четверное иго, иго тропического зноя летом и иго полярного холода зимою (а последнее иногда и позднюю весною, и даже летом), нося вместе с тем и иго океана с Запада и иго материка с Востока, Россия без зависти и даже с радостью может смотреть на распространение Англии и к полярным, и к тропическим странам. Россия будет с радостью смотреть на распространение не Англии только, но и Франции, и Германии, и других государств, соприкасающихся как с полярными странами, так и с тропическими. Дело общее, братское, сыновнее, отеческое не знает зависти; оно дышит одною любовью. Ужели же не подаст ему благословения Бог любви, Отец небесный?..»¹⁴ Варангерфиорд иначе именуется Варяжским заливом; с одной стороны он ограничен полуостровом Рыбачим, а с другой — полуостровом Варангер; на его берегах была и есть церковь Бориса и Глеба — по имени двух убиенных братьев как напоминание о необходимости устранить небратские отношения для общего дела.

В другом месте мы находим меткое наблюдение о добыче золота как факторе, преобразующем экономики и открывающем новые горизонты человеческого единения. «Новое время начинается открытием южноамериканского золота (Перу) и североамериканского золота (Мексика). Новейшее время, XIX век, знает сибирское золото, калифорнийское, южноафри-

канское и, наконец, полярное золото (Клондайк). [Но и] полярное золото есть ли последнее?..»¹⁵ На наш взгляд, процитированный фрагмент ориентирует не только на поиск новых золотосодержащих земель, но и на поиск золота идеального для сплочения человечество в общем деле.

Еще одно место связано с осуждением обмана в политике, жертвой которого стала Россия. Оно иллюстрирует, как сильная тоска по всечеловеческому единению — большая даже, чем у Достоевского, — дополняется острой до истеричности заботой о сиюминутных интересах России, пониманием того, что ее повседневный и тяжелейший труд — это разборка завалов и ловушек, которые ставятся как Востоком, так и Западом. Например, трагедия Крымской войны, в ходе которой Россия подвергалась давлению как Востока (Турции), так и Запада, была воспринята им как личное горе (как это было характерно и для Л. Н. Толстого).

Поводом к написанию заметки послужили события 1900 года, когда китайские войска блокировали посольский квартал в Пекине. Войска под командованием русского генерала первыми пришли на помощь его обитателям, которых не смогли защитить войска Запада. И вот вполне разумный комментарий русского мыслителя, актуальность которого не исчерпана и поныне (ведь современная Россия столь же часто получает пренебрежение в виде воздаяния за добро): «До сих пор мы были посредниками между Западом и Китаем в постоянной вражде между собою находившимися. Теперь же после того, как по наущению Запада совершили подвиг — среди мира (в мирное время) разрушили китайский город, мы приобрели в Китае славу самого коварного народа, не приобретя дове-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 371.

рия Европы, а лишь насмешку на наше крайнее простодушие»¹⁶.

Следующий рассматриваемый фрагмент внешне противоречит генеральной линии рассуждений Федорова о Транссибирской магистрали: в нем описываются сопряженные с ней риски и угрозы. Последние связаны с развитием железнодорожной сети в России — но под иностранным контролем. Рефлексия относительно контроля в данном направлении приводит к выводу: «Торжество Запада обеспечено. Последним ударом, смертельным, нельзя не признать построение двух следующих дорог: северной, проводимой по малонаселенной финской (зырянно-вотяцко-пермской) стране до соединения с Сибирской, а другой — по враждебному Великороссии западному краю до Черного моря. Благодаря этим двум дорогам Центральная Россия, уже истощенная, обратится в *захолустье*, каким она была до начала Москвы. Сибирская дорога, которая для русских переселенцев доставляла лишь землю для могил, а умерших отправляла назад, умирать на родине, конечно, станет гостеприимною для немецкой колонизации, найдутся земли не для могил, а для жилищ с щедрыми наделами»¹⁷.

Внимательное рассмотрение этого места показывает, что Федоров вовсе не отказывается от высказанной выше идеи соединения посредством железных дорог западных и восточных берегов Российской империи, европейской и западной частей ее, более того — сближения Карского моря, устьев Оби и Енисея с севера и Алтайских и Саянских гор с юга. Именно поэтому федоровская мысль о том, что Транссибирская дорога представляет собой завершение объединения Русской земли, составляющее лишь начало со-

бирания всей земли для общего дела, получает в рассмотренном фрагменте апофатическое доказательство (подтверждение через отрицание). Дело в том, что Федоров подводит к мысли относительно русского торжества над указанными дорогами — лишь тогда они станут поистине братским делом для всех, включая немцев.

Фрагмент, написанный в 1902 году, фиксирует «необыкновенное усиление Северо-Американских Штатов, недалеких от того, чтобы всю Великобританию присоединить, как особый новый штат, — а с другой — глубокий упадок континентальной России, пораженной в самом центре истощением и в самых окраинах одолеваемой, забираемой инородцами; т. е. падение 3-го Рима и возвышение всемирного Карфагена. Сюда нужно причислить [и] объявление немцами войны славянам внутри [немецкой] империи, чтобы потом обратиться против славян, вне империи прозябающих. Между 3-м Римом и Новым Карфагеном находится Германия в ее тройственном союзе. Но этот тройственный союз разлагается, благодаря двойственности: Италия притягивается Францией, а Австрия начинает тяготеть к России и очень сблизится [с нею], если сделается славянскою. Германия, оставшись в одиночестве, сблизится с двумя Британиями, или даже с тремя, т. е., кроме Европейской и Американской, еще [и] с Азиатскою, т. е. с Япониею. Эта-то вражда четырех могущественных врагов и может вызвать жизнь в России»¹⁸. Известно, что описанные философом противостояния завершились Русско-японской войной 1904—1905 годов, до которой не дожил, но которую пророчески предсказывал, помимо Федорова, еще и В. С. Соловьев.

Описывая кроме этого противостояния метеорические катастрофы, вклю-

¹⁶ Там же. С. 379.

¹⁷ Там же. С. 380—381.

¹⁸ Там же. С. 382.

чая гибель людей от землетрясений, он ставит вопрос о невнимании к общему врагу всех народностей и сословий. «Но и этот враг есть враг *временный* (но презлой), а друг *вечный*, ибо та же природа и в разумной и в неразумной силах. Чем же должно окончиться это размирие? Разумная ли сила будет управлять слепую или слепая уничтожит разумную? Погруженным в постоянную вражду людям некогда заняться этим вопросом. Что могут сделать люди в совокупности при нынешней возможности соединить свои силы, благодаря нынешним средствам сообщения? Такой вопрос не удостоивается разбора. Вопрос об обращении орудий истребления в орудия спасения составляет только часть вопроса об отношении разумной силы к неразумной, соделавшейся особенно безжалостной и злой [в] нынешний год»¹⁹.

Наконец, обратимся к главному труду Федорова, задающему угол зрения на его философию Севера в целом. Это статья «О полярной столице», поражающая воображение своей парадоксальностью, глубоким уровнем осмысления и предвидения будущего. Первый ее абзац сразу же вводит в курс общего дела в его северном ракурсе; при этом глубина смысла сочетается с внешними противоречиями: «Для нас, отрезанных от океана, запертых в Балтийском, Черном и Японском морях, для нас есть один только выход в океан, выход у Студеного моря, в никогда не замерзающих заливах Рыбачьего полуострова, в бывших владениях Троицко-Печенгского монастыря, сожженного шведами (1590 г.), основанного св. Трифоном, апостолом лопарей, на границе Западного (Атлантического) [океана] с Северным, или, вернее, на первом, чем на последнем, потому что Рыбачий полуостров омывается Гольфстримом. Только временная *морская* столи-

ца, столица-порт, как конечный пункт Владивосточной трансконтинентальной дороги, может нас избавить от англо-немецкого господства, надвигающегося на нас»²⁰. Если в предшествующих работах и даже изложенных выше фрагментах Федоров допускал союз с англичанами — европейскими и американскими, то в предпоследнем и данном фрагментах он говорит о совместной угрозе с их стороны. Причина — все те же «наущения Запада», стремящегося использовать Россию в небратских целях, как это было в Китае с маршем на Пекин.

Как известно, в начале XX века эта великая страна делилась на зоны влияния, и Россия оказалась втянутой в этот процесс. Но выгод от него ей ожидать не приходилось, на что и обратит внимание Федоров: «Дипломатическая англо-германская победа на Дальнем Востоке, в Китае, выразилась в построении крепостей и стратегических дорог в Маньчжурии, а также и в движении китайцев на Памир — с одной стороны, и с другой — в планах открыть себе путь в Сибирь, устроив железную дорогу от Хайпудырской бухты до Оби, чтобы, заведя флотилию на этой многоводной реке, отрезать азиатскую часть [России] от европейской и грозить Туркестану и Памиру, содействуя Китаю в занятии этой родины арийского племени»²¹. Нужно заметить, что Хайпудырская губа — залив в юго-восточной части Баренцева моря, а постройка соответствующей дороги осуществлена не была.

«Столица, перенесенная на перешеек или волоки между Мотовскою губою и Варангским заливом, имея передовой пост на мысу под 70° северной широты (на 10° севернее Петербурга и почти на 15° от Москвы), получит многообразное значение: заменив С.-Петербург,

¹⁹ Там же. С. 382—383.

²⁰ Там же. С. 383.

²¹ Там же. С. 384.

освободит Россию от западного влияния, но не Запад, а холод будет главным врагом [России]...»²² Конечно, наличие отмеченных Федоровым «главных и неглавных врагов» — крайне важные мотивы переноса столицы как проекта, осуществление которого и сегодня остается под большим вопросом. Следует напомнить, что и такой проект, как перенос столицы в Санкт-Петербург, тоже оказался нелегким и потребовал принципиально новых социальных технологий: чухонские болота в XVIII веке представляли собой не меньшее препятствие. Оправдывается федоровский проект сверхцелью — братским единением всех людей, включая «неглавных врагов» в общем деле; это же дело требует и внутреннего очищения самой России.

Мысль эта выявляется Федоровым через тщательный анализ наступивших и грядущих бед. «За голодом и моровою язвою, еще не окончившимися, нужно ждать войны. Первые два бича оказались бессильными пробудить нас. Война с океаническим Западом потребует перенесения столицы в полярные страны, к рубежу двух океанов, туда, где оканчивается Ледовитый океан и начинается Атлантический в виде теплого тока (Гольфстрима). Северная столица была протестом против внешнего благочестия древней столицы, а свое явное нечестие оправдывала иногда внутренним, т. е. мнимым благочестием. Холера показала явное нечестие этого города в виде интеллигентного класса, т. е. в высшей степени ограниченных людей, которые, принимая общество за организм, умерших — за экскременты, религию заменяют ассенизацией, а под лицемерным спасением целого общества разумеют спасение лишь головы, т. е. богатой интеллигенции, а с большинством (уподобляя их ру-

кам и ногам), не смея обращаться по-астрахански, — т. е. хватая крючьями больных, — обращаются лицемерно, по-петербургски, предоставляя всем право оставлять больных у себя в дому, но на условии только купить себе врача и целую аптеку»²³.

Обличение Петербурга — прерогатива не одного Федорова, раньше на него накликал беды писатель Ф. М. Достоевский, позже — поэт А. Белый. Но лишь русский философ ставит задачу перенесения столицы на Север для решения целого комплекса задач. «Перенесение столицы за полярный круг (на 20° на север от Петербурга и на 15° почти от Москвы), это движение от теплой страны к холодной, от легкого к трудному есть не эволюционное движение, само собой совершающееся, не слепой прогресс, а выражение сознания, противодействующего чувственному влечению. В перенесении столицы, центра, выражается *коренная перемена в жизни*. В переходе от умеренного в холодный прежде всего выражается вступление на высшую ступень самодеятельности. Предложения о перенесении столицы бывали. Для примера можно привести Барятинского, желавшего перенесения столицы в Киев. Иные желали возвращения Москве прежнего положения. Но обстоятельства указывают на иной пункт. Новая столица означает в настоящем случае самый важный пункт при все более и более обостряющейся вражде Англо-Германии к нам, если только взаимная их вражда не избавит нас на время от морских врагов.

Таким образом, новая столица имеет значение, во-первых, такого места, на которое и власть, и весь народ должны обратить преимущественное внимание, от коего зависит спасение Земли, так как крейсерство — эта война с товарами — может лишить

²² Там же.

²³ Там же.

возможности вести войну не только Англию, но и Германию. Во-вторых, перенесение означает коренную перемену в жизни; эта перемена означает не сближение с Западом, как Петербург, не желание мнимого соединения в догмате, а соединения [в общем всех деле управления слепыми силами природы]. *Перемена* [в жизни] в *перенесении* [столицы] находит свое наглядное выражение. Как есть полюсы геометрические, магнитные, термические (наибольшего холода), так будет *полюс социальный* — полярная столица»²⁴.

В целом ключевая идея статьи Федорова — связь двух портов на Крайнем Востоке и Крайнем Севере России. Северные ответвления Транссибирской магистрали, их связывающей, допускают возможность нескольких выходов на северное побережье Ледовитого океана (в статьях и фрагментах упоминаются Хайпудырская губа, зыряно-вотяцко-пермские земли, устье Оби, Карское море), что имплицитно предполагает возможность их соединения морским путем.

Следует подчеркнуть, что прямых указаний на то, что первое транспортное полукольцо может быть дополнено другим, у Федорова практически нет. Одна из причин заключалась в том, что, хотя акватория Баренцева моря была исследована русскими поморами еще в XV—XVI веках, к середине XVII века русские мореплаватели практически нашли проход из Северного Ледовитого океана в Тихий. Проблема сквозного пути решалась лишь в конце XIX века, когда швед А. Э. Норденшельд в 1878—1879 годах прошел до Чукотского моря, а затем, после зимовки — до мыса Дежнева. Лишь в 1932 году Северный морской путь (в 1920-е годы именовавшийся Северо-Восточным проходом) был пройден за одну навигацию. Имена многих полярников, включая Ф. Нансена, были Федо-

рову известны, но контуры Северного морского пути им намечены не были.

Несмотря на то, что идея двуставного транспортного кольца по периметрам российской территории Федоровым полноценно не обосновывалась и четко не высказывалась, его интуиция и рефлексия очень важны для понимания, *что* это кольцо значит и для современной России, и для всего мира. Дело в том, что трактовка А. И. Солженицыным русского Севера как резервуара национальной идентичности сегодня необходима, но недостаточна. Необходима — поскольку освоение Севера, особенно его побережья, должно строиться по матрице национального ума (недаром на этих землях родился М. В. Ломоносов). Недостаточна — поскольку это освоение должно осуществляться во всеоружии общечеловеческих знаний.

Геополитические функции транспортного кольца ясны до недвусмысленности: это граница, сберегающая Россию, поэтому ее защита — дело первостепенной важности. Но это же кольцо — периметр сотрудничества со всеми странами, круг которых будет расширяться: от имеющих прямые интересы в Арктике (Скандинавские страны, США, Канада) до Европы, а в дальнейшем Индии, Китая, Японии, а также тех стран, которые Федоров относил к мусульманскому миру.

Относительно последних нетривиальными являются мысли Федорова о роли Памира как своеобразной крыши мира. В коррекции нуждается представление о враждебности России примыкающей к Памиру мусульманской цивилизации. Федоров предполагал, что чреватый непримиримыми конфликтами район Памира следует обходить с Запада или с Востока. Еще более ценно его провидение относительно того, что те же конфликты можно преодолеть с Севера, выстраивая там пути сообщения с опорой на социальные тех-

²⁴ Там же. С. 384—385.

нологии. И в данном смысле двусоставное транспортное кольцо России выступает как мощная альтернатива Великому шелковому пути, который многие современные геополитики сравнивают с постоянно прерывающейся линией высокого напряжения. Поэтому общий вектор превращения Севера в зону сотрудничества получает все новые подтверждения.

С опорой на труды Федорова можно четче определить контуры и функции двусоставного транспортного кольца России, одновременно и защищающего ее, и делающего более открытой. Дело в том, что такое кольцо крайне притягательно не только в плане оптимизации торговых путей — оно окажется опорой и в научно обоснованном освоении природных богатств Севера. Естественно, при условии, что рента от использования этих богатств пойдет не на освоение лондонских кварталов и королевских дворцов, а на устройство жизни Севера как условия сохранения жизнеобеспечивающей все человечество природной среды. Свободный рынок с присущей ему тенденцией к бесконтрольному и экологически разрушительному расхищению богатств — путь к несвободе от природы, что все чаще признается и международной общественностью. Поэтому крайне важным представляется тот трансгосударственный и даже трансконтинентальный характер философии Севера, каковой эта философия приобретает в концепции Федорова. Она ориентирована на устранение не только личного, но и национального эгоизма, на братское единение народов.

Математик Г. Г. Малинецкий ставит вопрос: что может соединить Россию? В начале XX века эту роль выполнил Транссиб — проект Сергея Витте. «Сейчас нужна такая же Работа, но на другом уровне — проект высокотехнологичной транспортной системы. Если Русь возникла на пути из варягов в греки, то новая Россия, как говорил академик Никита Моисеев, должна возникнуть на пути из “англичан в японцы”. Помимо всего прочего это 20 миллионов рабочих мест»²⁵. Естественно, это касается и железнодорожного полукольца, и северного морского полукольца.

Свободный рынок с присущей ему тенденцией к бесконтрольному и экологически разрушительному расхищению богатств — путь к несвободе от природы, что все чаще признается и международной общественностью.

Остается добавить, что мысли об этом кольце посещали не только Федорова. Назначенный весной 1889 года начальником Департамента железнодорожных дел, С. Ю. Витте выдвинул и активно поддерживал идею строительства Транссибирской магистрали; он же в конце 1898-го активно продвигал и идею Северного морского пути. Став в 1892 году министром финансов, Витте настаивал на форсированном финансировании строительства магистрали, не останавливаясь перед денежной эмиссией для этих целей. Дорога строилась с 1891-го по 1916 год, однако конеч-

²⁵ См. «Независимая газета». 28.10.2009.

ный ее пункт, Владивосток, оказался связанным с центром через Восточно-Китайскую железную дорогу уже в 1903 году; Мурманска же она достигла в 1916-м, а в 1915-м уже функционировал Мурманской морской порт.

Что касается второй идеи и способов ее реализации, то для ее обоснования и строительства ледокола «Ермак» Витте привлек ученого Д. И. Менделеева и флотоводца С. О. Макарова. Первый предлагал достичь конечной цели, острова Сахалин, через Северный полюс; второй высказывался за достижение этой же цели путем следования вдоль побережья²⁶. Как известно, «Ермак» осуществил плавание лишь к островам Новой Земли, полноценное освоение Северного морского пути началось только в 1930-е годы.

В своих работах Федоров как бы закольцовывает тему Севера на более высоком, глобальном уровне. Он намечает перспективу всеохватной железной дороги и превращение Берингова пролива в перешеек. «Карфагеном 3-го Рима будет уже не Англия, не Германия, а Америка (которая из должника Европы стала кредитором, т. е. уже приобрела экономическое господство над нею, превратила в своего должника и благодаря войне с Испаниею воссоединила Юг с Севером, т. е. восстановила свое внутреннее единство) в союзе с Австралией, а быть может, и с Японию. Если 3-й Рим останется верен своей миротворной или союзотворной задаче (против слепой силы), т. е. чтобы не было нужды в 4-м Риме, то «дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену» чрез Русско-американский пролив, пролив летом, а перешеек зимой, требующая большой победы над слепую силою, — дорога от 3-го Рима к 3-му Карфагену будет Панконтинентальною дорогою, ибо ее ветвями будут: Африканская (стро-

ящаяся) и Панамериканская (проектированная) и, наконец, Австралийская чрез прерывающийся множество раз перешеек; [эти дороги] были бы верхом торжества железнодорожного дела»²⁷.

В этих мыслях намечена перспектива становления субъекта глобального развития — та перспектива, которая не устраивает сегодня политиков, в частности американских, стремящихся задавать темпы глобализации по своим «небратским» (по слову Н. Ф. Федорова) лекалам.

Еще одна федоровская идея, которую целесообразно рассмотреть в рамках настоящей работы, содержится в материалах, собранных под рубрикой «Самодержавие». Она утверждает важность сторожевого государства. В первую очередь в отношении опоясывающего Россию транспортного кольца, но и в значительной мере — «кругоокеанской дороги», о которой говорилось выше. «Обязательное сторожевое государство, устроенное для прямого и обходного движений, только тогда достигнет полного объединения (и станет возможным превращение войны в регуляцию), когда естественные пути, по коим совершаются эти движения, превратятся в искусственные, способствующие наиболее быстрому продвижению с Запада на Восток, и притом будут снабжены еще собирательными ветвями на Севере и Юге»²⁸.

В заключение хотелось бы выделить одну из важнейших идей Н. Ф. Федорова: по его мнению, как место продуктивной встречи Востока и Запада более всего пригоден Север (России). Именно с учетом такой перспективы всем — и не только одним россиянам — следует заботиться о том, чтобы транспортное кольцо России работало полнокровно и жило как пространство общего дела Востока и Запада. ◆

²⁶ См. С. Ю. Витте. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 657.

²⁷ Н. Ф. Федоров. Собрание сочинений. Т. 3. С. 383.

²⁸ Там же. С. 389.